

УДК: 37.014.12:37:004
ББК 67.400.32+74.026.8

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Е. А. Пибеева

*Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
(Киров, Россия)*

Статья посвящена анализу правовых ситуаций и законодательных пробелов, возникающих при внедрении цифровой образовательной среды (ЦОС) в России, и выработке обоснованных предложений по их преодолению и совершенствованию законодательства. Автор рассматривает четыре ключевые, по его мнению, нерешенные проблемы в правовом регулировании цифровизации образования: неоднозначность результатов, полученных по итогам эксперимента по внедрению ЦОС, использование генеративного искусственного интеллекта в сфере образования, наличие доступа к сети Интернет как условие получения образования, биометрическая идентификация в школах. Отмечено, что результаты проведения эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды в 2020–2022 гг. в Российской Федерации имели непубличный характер и, как следствие, повышенную конфликтность. По итогам исследования предложено нормативно закрепить и внедрить в практику деятельности органов публичной власти обязательное проведение общественных обсуждений результатов правовых экспериментов по изменению образовательного процесса под влиянием цифровизации, а также ряд иных новелл в законодательном регулировании реализации права на образование в цифровую эпоху.

Ключевые слова: право на образование, цифровая образовательная среда, образовательные организации, цифровизация, информационные системы, цифровые технологии

THE RIGHT TO EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND WAYS TO SOLVE THEM

E. A. Pibaeva

Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Kirov, Russia)

The article is devoted to the analysis of legal situations and legislative gaps that arise during the implementation of the digital educational environment (DSP) in Russia and the development of sound proposals to overcome them and improve legislation. The author considers four key in his opinion unresolved problems in the legal regulation of the digitalization of education: the ambiguity of the results obtained from the experiment on the introduction of DSP, the use of generative artificial intelligence in education, access to the Internet as a condition for education, biometric identification in schools. It is noted that the results of the experiment on the introduction of a digital educational environment in 2020–2022 in the Russian Federation were non-public in nature and as a result increased conflict risk. Based on the results of the study it was proposed to normalize and introduce into the practice of public authorities the mandatory conduct of public discussions on the results of legal experiments to change the educational process under the influence of digitalization, as well as a number of other novelties in the legislative regulation of the implementation of the right to education in the digital age.

Keywords: the right to education, digital educational environment, educational organizations, digitalization, information systems, digital technologies

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)2.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)2.8)

Введение

Цифровизация всех сфер общественной жизни не могла не затронуть систему образования. Традиционные представления о процессе получения знаний были кардинальным образом изменены в связи с внедрением цифровой образовательной среды (далее — ЦОС) в России, ускоренным как влиянием пандемии COVID-19, так и общемировыми тенденциями. В этой связи осмысление существующего и разрабатываемого правового регулирования объективно необходимо, так как путем поиска оптимальных организационных и правовых решений на современные вызовы для российского образования возможно обеспечить гарантированное получение каждым качественного и доступного образования.

Целями исследования являются выявление правовых проблем и законодательных пробелов, возникающих при внедрении ЦОС в России, и выработка обоснованных предложений по их преодолению и совершенствованию законодательства.

ЦОС как правовой эксперимент — «игра в одни ворота»?

С 2019 г. для воплощения поставленных руководством страны задач профильные органы работают над федеральным проектом «Цифровая образовательная среда». В соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 02 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» в образовательных организациях (школах, организациях дополнительного образования, организациях среднего профессионального и профессионального образования) следовало внедрить цифровую образовательную среду.

Ответственными за внедрение ЦОС в субъектах РФ определены органы исполнительной власти субъекта РФ совместно с органами местного самоуправления [1] (п. 1.5). В качестве разъясняющего документа 14 января 2020 г. Минпросвещения России направило Письмо № МР-5/02 с «Методическими рекомендациями по вопросам внедрения Целевой модели цифровой образовательной среды в субъектах Российской Федерации» [2].

На основании п. 4.5 Письма на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации возлагалась обязанность до 31 декабря 2022 г. обеспечить создание и функционирование региональных информационных систем и ресурсов платформы ЦОС. Итак, на территории всех субъектов России предполагалось поэтапное создание административно-управленческих и организационно-технических условий для внедрения целевой модели ЦОС, развитие материально-технической базы и информационно-телекоммуникационной и технологической инфраструктуры в образовательных организациях.

Вместе с тем в конце 2020 г. Правительство Российской Федерации в пределах своих полномочий в целях модернизации и развития системы образования Российской Федерации издало постановление от 07 декабря 2020 г. № 2040 (далее — Постановление № 2040) о проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды с 10 декабря 2020 г. по 31 декабря 2022 г. на территории отдельных субъектов Российской Федерации [3]. Порядок отбора субъектов [4] утвердили Приказом Минпросвещения России от 22 декабря 2020 г. № 761 [5]. Регионы для эксперимента по внедрению ЦОС получили 3 млрд руб. на развитие инфраструктуры 1700 российских школ [6]. Не ставя под сомнение важную задачу оснащения государственных и муниципальных общеобразовательных организаций материально-технической базой и информационно-телекоммуникационной и технологической инфраструктурой, все же считаем, что наиболее значимой являлась задача апробации работы новой информационно-коммуникационной образовательной платформы («Моя школа»), ее интеграция с «Единым порталом государственных и муниципальных услуг (функций)», использование дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и применение единого портала (задачи «а» — «и», кроме «д» пункта 5 Положения, утвержденного Постановлением № 2040).

Отчасти наша позиция подтверждается тем, что проведение эксперимента по внедрению ЦОС стало предметом судебного разбирательства [7], в ходе которого рассматривался именно данный аспект ЦОС [8].

Таким образом, применение на практике Постановления № 2040 наглядно продемонстрировало проведение эксперимента в сфере образования. Но возможно ли экспериментировать в такой сфере? И. В. Ершова пишет, что для этого есть основания: «Регуляторное окно образовательного права создаст правовую основу проведения образовательных экспериментов» [9, с. 28]. При этом она отмечает отсутствие каких-либо противоречий с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 258): «Анализ приведенных положений Федерального закона № 258-ФЗ приводит к выводу о том, что используемое для его целей понятие цифровой инновации в полной мере пригодно для сферы образования» [9, с. 28].

Итак, в связи с тем, что 31 декабря 2022 г. эксперимент завершился, с 1 января 2023 г. все образовательные организации России обязаны использовать федеральную государственную информационную систему Министерства просвещения Российской Федерации «Моя школа» (ФГИС «Моя школа») [10]. Также для учащихся стала фактически [11] обязательной регистрация в ИКОП «Сферум». Хотя Минцифры разъясняло, что обязательная регистрация в «Сферуме» не предусмотрена законодательством РФ, «решение об использовании платформы принимается обучающимися и (или) их родителями (законными представителями) самостоятельно» [12].

Повсеместное внедрение «цифровой образовательной среды» с 2023 г. по настоящее время на первый взгляд свидетельствует об успешности эксперимента. Такой вывод подтверждается и данными из официальной презентации на сайте Министерства просвещения РФ «Оценка результатов проведения эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» [13].

Однако, на наш взгляд, здесь скрывается не совсем очевидная проблема — подробное обсуждение результатов эксперимента ЦОС не проводилось, никаких открытых данных, кроме презентации, в сети Интернет нет. Разумеется, предоставление объективной информации о повышении качества образования школьников, участвовавших в эксперименте ЦОС, по сравнению с регионами и школами, где данный эксперимент не проводился, способствовало бы росту заинтересованности в освоении и использовании новых технологий.

В ответе от 5 июня 2025 г. № 04-ПГ-МП-19391 на обращение Всероссийского общественного объединения по защите семьи, размещенное в открытом источнике [14], Департамент цифровой трансформации и приоритетных проектов Министерства просвещения Российской Федерации указал, что «действуя в рамках полномочий <...> Минпросвещения России направляет в Правительство Российской Федерации <...> документы, по которым требуется решение Правительства Российской Федерации, по вопросам, относящимся к установленной сфере ведения Министерства, в том числе доклады о проделанной работе. Указанная документация не относится к общедоступной информации о деятельности государственных органов, размещаемой в сети Интернет, согласно статье 13 Федерального закона от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ „Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления”» [15]. Министерство написало прямо: доклад о результатах эксперимента ЦОС не размещался в открытом доступе по причине его конфиденциальности.

Хотя, если придерживаться позиции И. В. Ершовой и рассматривать эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды именно как экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по ФЗ № 258, то позиция министерства о закрытости доклада противоречит ч. 10 ст. 18 ФЗ № 258 и принятым на основании данной нормы правилам мониторинга экспериментального правового режима и оценки его эффективности и результативности, предполагающим «проведение общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима» (п. 26–31 Раздела III) [16]. И в самом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее — Закон об образовании в РФ) установлено: «При осуществлении экспериментальной и инновационной деятельности в сфере образования должны быть обеспечены соблюдение прав и законных интересов участников образовательных отношений» (ч. 3.1 ст. 20).

Полагаем, что закрытость результатов эксперимента может привести к судебным разбирательствам, в том числе путем обращения заинтересованных лиц в Конституционный Суд РФ.

Тем более что это не первый и не последний эксперимент. Так, в период с 15 марта по 31 декабря 2024 г. на всей территории Российской Федерации проводился эксперимент по формированию цифровых документов об образовании, охвативший 277 организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам основного общего образования и среднего общего образования, 260 организаций среднего профессионального образования, 61 высшее учебное заведение и 225 организаций, работающих по программам профессионального обучения [17].

Изначально предполагалось, что суперсервис будет функционировать сразу после завершения эксперимента в 2025 г., но запуск отложили без публикации информации о дальнейшей работе: «сформированные в рамках эксперимента документы не имели юридической силы, — подчеркнул Рособнадзор, — выпускники не получили электронные дипломы, и аттестаты удалили из системы» [18].

Завершая обзор федерального правового регулирования права на образование, отметим, что дальнейшая трансформация такого регулирования определяется стратегическими направлениями развития страны. Как емко замечает А. А. Корнеев, «цифровая трансформация образования является фундаментальным нарративом институционального развития всей социальной-экономической сферы, где образование играет фундаментальную роль» [19, с. 133].

В 2021 г. Правительство РФ утвердило новое стратегическое направление (до 2030 г.) в области цифровой трансформации науки и высшего образования [20]. В 2023 г. Правительство РФ по аналогии утвердило новое стратегическое направление (до 2030 г.) в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения РФ. Направление охватывает уровни образования от дошкольного до среднего профессионального, а также соответствующее дополнительное образование [21]. Целеполагание определяет дальнейшую трансформацию образования в России: цифровые технологии должны предоставить больше возможностей субъектам образовательных отношений — проекты «Цифровой помощник ученика», «Цифровой помощник родителя», «Цифровой помощник учителя» и т. д. Главное, как указывал Конституционный Суд РФ [22], чтобы изменения не снижали уровень конституционно-правовых гарантий, не ущемлялись интересы участников образовательных отношений.

Проблемы правового регулирования использования генеративного искусственного интеллекта в сфере образования

В настоящее время при поиске необходимой информации, формулировании мыслей и изложении материала возрастает популярность использования инструментов с генеративным искусственным интеллектом (далее — ИИ) (в частности, чат-бота ChatGPT, разработанного компанией OpenAI, китайской нейросети DeepSeek). При этом вопрос использования ИИ, в частности в образовательном процессе, не имеет ни нормативного, ни этического регулирования. Следовательно, на дату настоящего исследования это может порождать следующие проблемы:

- использование ИИ обучающимися в процессе написания ими курсовых работ, выпускных квалификационных работ, диссертационных исследований и других научных работ, подготовки к практическим занятиям и др.;
- использование ИИ педагогическими работниками и преподавателями [23], отнесенными к профессорско-преподавательскому составу высших учебных заведений, при разработке лекционных, практических занятий, создании (генерировании) презентации и других мультимедийных сопровождений научных докладов, при проверке выполненных работ обучающихся и др.

Частью 2 статьи 30 Закона об образовании в РФ предусмотрена обязанность образовательных организаций принимать локальные нормативные акты по основным вопросам организации и осуществления образовательной деятельности. Однако использование ИИ субъектами образовательных отношений может служить причиной возникновения споров о ненадлежащем оказании платных образовательных услуг и, как следствие, возврате уплаченных денежных средств — все это станет факторами, влияющими «на доверие студентов к сотрудникам вуза — преподавателям, администрации факультета и администрации вуза» [24, с. 9].

Кроме того, может возникнуть ситуация, дискриминирующая обучающихся при выдаче им аттестатов и дипломов об окончании соответствующего обучения, когда одна образовательная органи-

зация устанавливает своим локальным актом правовые аспекты, ограничивающие и запрещающие обучающимся и работникам образовательной организации использовать ИИ, например, при осуществлении текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся, а другая — умалчивает об этом (что имеет разрешительный характер) либо прямо подтверждает возможность такого использования.

В соответствии с авторским представлением необходимо урегулировать вопрос использования ИИ субъектами образовательных отношений непосредственно на федеральном законодательном уровне, установив условия его использования (например, как вспомогательное средство подбора синонимов при написании текстов с обязательным указанием его использования при публикации текста), поскольку бесконтрольность данных действий со стороны государства, а также санкционирование применения ИИ в образовательных отношениях могут привести к подрыву доверия ко всей системе образования.

Наличие доступа к сети Интернет как условие получения образования

«Современная образовательная инфраструктура, — как замечает группа исследователей Высшей школы экономики, — не может ограничиваться физическим пространством школьных зданий» [25, с. 14]. Потребность в доступе к цифровым технологиям особо остро проявилась в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19, когда обучающиеся были вынуждены проходить обучение онлайн, для чего им было необходимо иметь собственные механизмы для выхода в сеть Интернет: компьютеры или мобильные устройства (смартфоны, планшеты), а также устройства, обеспечивающие прохождение онлайн-занятий на стационарных компьютерах: микрофоны, наушники, видеокамеры, сканеры. Очевидно, что с проблемой доступа сразу столкнулись: обучающиеся, у которых не было вышеуказанных устройств, либо в семье несколько обучающихся, каждому из которых необходимо иметь доступ к сети Интернет ввиду невозможности заниматься одновременно; семьи с низким доходом; обучающиеся, проживающие в местностях с низким уровнем развития инфраструктуры и неустойчивым сигналом интернета, а также в труднодоступных населенных пунктах [26, с. 213].

Отсутствие доступа к сети Интернет лишает школьников, получающих общее образование (начальное, основное и среднее), возможности входа в их личные кабинеты (электронные дневники и журналы), электронную библиотеку, образовательные ресурсы, а также получения персонализированного финансирования дополнительного образования (далее — ДПФО) [27].

Пандемия коронавирусной инфекции показала, что многие образовательные учреждения, в том числе высшие учебные заведения, не имели должного программного обеспечения и технических средств для проведения онлайн-занятий (лекций и практических занятий), сталкивались с техническими проблемами: нестабильной работой серверов образовательной организации, что приводило к периодическому прерыванию образовательного процесса. Низкая пропускная способность канала связи становилась причиной отключения веб-камер во время занятий обучающихся в целях улучшения качества интернет-соединения. Студенты, как и школьники, сталкивались с проблемами отсутствия материально-технического обеспечения доступа к сети Интернет. Так, специалисты Высшей школы экономики рассмотрели особенности перехода на дистанционное обучение в условиях пандемии COVID-19 в российских вузах, основываясь на результатах двух студенческих опросов 2020 г. Первый опрос проходил с 25 марта по 3 апреля (были получены 10 018 ответов студентов из 647 российских вузов), второй — с 25 мая по 1 июня (24 428 ответов студентов из 642 российских вузов). 52% опрошенных студентов среди сложностей дистанционного обучения в разные периоды времени называли «возникающие технические проблемы и перебои с интернетом» [28, с. 31–32].

Вместе с тем здесь имеется отличие от основного общего образования: высшее образование не является обязательным, следовательно, если человек желает его получить, то ему необходимо будет понести соответствующие расходы на получение такого образования, в том числе путем наличия доступа в сеть Интернет и приобретения соответствующих технических средств. А. И. Хуснутдинов совершенно верно подчеркивает: «В случае отсутствия полноценного доступа к сети Интернет автоматически имеет место ограничение возможности личности получать образование, а также утрачивается гарантия на получение его в дистанционном формате в случае экстремальной ситуации» [29, с. 185].

Биометрическая идентификация в школах — «распознать нельзя запретить»?

Развитие технологий биометрической идентификации [30, с. 33] сделало актуальной проблему использования таких данных в образовательных организациях. Так, в Республике Татарстан на начало 2025–2026 учебного года в 20 пилотных учебных организациях установлено специальное оборудование — сервис защищенного прохода в школы с использованием биометрии — как альтернатива картам и пропускам [31]. Такой сервис основан на российских программных и аппаратных решениях и реализуется на базе Единой биометрической системы (ЕБС) — государственной цифровой платформы, позволяющей установить и подтвердить личность человека по его физиологическим и биологическим характеристикам [32].

Использование биометрических данных в рассматриваемом случае допускается при наличии добровольного согласия в письменной форме субъекта персональных данных.

Из буквального толкования положений Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (далее — Закон о персональных данных) (ч. 1, 6 ст. 9, ч. 1 ст. 11), положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) (ст. 17, 26, 28), Семейного кодекса Российской Федерации [33] (п. 1 ст. 61, п. 1 ст. 64) следует, что закон допускает обработку биометрических персональных данных с согласия одного из родителей несовершеннолетнего (законного представителя). Единственное исключение — когда несовершеннолетний является эмансипированным в соответствии с п. 1 ст. 27 ГК РФ [34].

При этом на практике встречаются случаи, когда Роскомнадзор, предъявляя требование образовательным организациям прекратить осуществление обработки биометрических персональных данных обучающихся, в обосновании своей позиции ссылается на такие документы, как Письмо Минцифры России от 17 июля 2020 г. № ОП-П24-070-19433 «О рассмотрении обращения» [35], Письмо Роскомнадзора от 10 февраля 2020 г. № 08АП-6782 «О направлении информации по протоколу совещания» [36], Письмо Минкомсвязи России от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074-24059 «О методических рекомендациях» [37], в которых содержатся разъяснения относительно возможности использования биометрических персональных данных только с согласия самого субъекта, а не его представителей.

Однако вышеупомянутые документы не являются нормативными правовыми и не носят обязательного характера для неограниченного круга лиц. При этом прямой запрет на использование биометрических персональных данных несовершеннолетних Законом о персональных данных не установлен, а значит, получение оператором согласия родителя (законного представителя) несовершеннолетнего на обработку его биометрических персональных данных является законным.

Как и в случае с обработкой «обычных» персональных данных, «оператор, обрабатывающий биометрию, <...> несет ответственность за безопасность, законность и конфиденциальность данных» [38, с. 53], правда, состав административного правонарушения другой — по ч. 17 ст. 13.11 КоАП РФ.

В судебной практике по делам, где рассматривались вопросы обработки биометрических данных обучающихся, суды пришли к следующим выводам. В решении Арбитражного суда Кемеровской области от 22 февраля 2023 г. по делу № А27-10550/2022 [39], оставленном без изменения постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17 мая 2023 г. [40] и постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 октября 2023 г. [41], установлено, что ИП В.Е. Аксененко осуществлял обработку биометрических персональных данных несовершеннолетних лиц по поручению образовательных учреждений с нарушением требований ч. 2 ст. 11 Закона о персональных данных, а представленные в дело согласия законных представителей несовершеннолетних на обработку персональных данных не отвечали требованиям, предусмотренным ст. 9 Закона о персональных данных.

При этом, как указал Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении от 24 июля 2020 г. по делу № 16-2185/2020 по признанию муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа „Мастерград“» г. Пермь виновным в совершении административного правонарушения по ч. 5 ст. 13.11 КоАП РФ и назначении наказания в виде административного штрафа в размере 25 тыс. руб. [42], обстоятельства получения согласия на обработку персональных данных, в том числе биометрических, являются обстоятельствами, имеющими значение для правильного разрешения дела.

Таким образом, считаем, что суды верно дают толкование нормам Закона о персональных данных и применяют их в конкретном деле, поскольку использование фотографии субъекта и его видеозображения в реальном времени, получаемого биометрическим терминалом, уже указывает на то, что личность идентифицируется по физиологическим и биологическим характеристикам, а не «зашифрованному» личному цифровому коду или фотографии как таковой. Такая идентификация (сопоставление терминалом изображения лица с загруженной в систему фотографией) позволяет установить персональные данные лица, которые имеются в образовательном учреждении и предоставлены оператору (включая фамилию, имя, отчество). Следовательно, получение биометрических персональных данных является обработкой персональных данных и должно осуществляться в строгом соответствии со ст. 11 Закона о персональных данных.

Из содержания Приказа Роскомнадзора от 24 февраля 2021 г. № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения» [43] следует, что согласие на обработку персональных данных должно прямо содержать указание на возможность использования оператором такой категории данных, как биометрические персональные данные субъекта, а согласие на обработку фотографий не может рассматриваться как достаточное для подтверждения конкретного информированного согласия родителя на обработку биометрических данных ребенка, в том числе посредством использования его фотографии.

На практике встречаются спорные ситуации, когда несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет не возражает на обработку его персональных данных, в том числе биометрических, а его законный представитель против совершения данных действий. При этом за пределами образовательного процесса, посещая различные сайты в сети Интернет, несовершеннолетние в большинстве случаев самостоятельно оставляют свои персональные данные, например, в целях регистрации на сайтах, заполнении профиля в социальных сетях и мессенджерах, оформлении заказов в интернет-магазинах, при составлении поискового запроса.

Обобщим результаты по итогам рассмотрения четвертой проблемы. Обработка биометрических данных возможна при выполнении ряда условий:

- получения отдельного согласия на обработку биометрических персональных данных;
- согласие на обработку фотографий обучающихся не может рассматриваться как предоставление согласия на обработку их биометрических данных;
- в соответствии с разъяснениями Роскомнадзора [44] обработка фотографических изображений, которые отнесены к биометрическим персональным данным законодательным актом, требует согласия на обработку их биометрических данных.

Из-за сложности обращения с биометрическими данными они, как правило, обрабатываются не образовательной организацией, а подрядчиком (например, технологии распознавания лиц при входе в образовательную организацию требуют специального оборудования, сервис для хранения данных, программное обеспечение), создавая сложную многозвенную систему, в которой конфиденциальность данных становится более уязвимой, повышаются риски их неправомерного использования.

Заключение

Подводя итог изложенному, обозначим следующие выводы.

Во-первых, необходимость достижения целей национального проекта «Образование» до 2024 г. и стремление к высокой степени «цифровой зрелости» сферы образования до 2030 г. обусловила проведение эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды в 2020–2022 гг. в Российской Федерации, результаты которого имели непубличный характер и, как следствие, повышенную конфликтность. Согласно авторской интерпретации подобный подход противоречит определенному в российском законодательстве требованию общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима. Предлагаем нормативно закрепить и внедрить в практику деятельности органов публичной власти обязательное проведение общественных обсуждений результатов правовых экспериментов по изменению образовательного процесса под влиянием цифровизации, получение общественного признания успешности эксперимента должно быть обязательным условием их повсеместного распространения.

Во-вторых, расширение перечня цифровых возможностей сопровождается возрастанием рисков информационной безопасности граждан, ростом угроз нарушения права на образование по причине усиливающегося цифрового разрыва, технологической и правовой дефективности хранения и обработки персональных данных в России, а также из-за неурегулированности использования инструментов с генеративным искусственным интеллектом в образовательном пространстве, что, в свою очередь, обуславливает и правовую трансформацию.

В-третьих, для совершенствования законодательного регулирования реализации права на образование в цифровую эпоху автором предложено, в частности:

- в целях обеспечения доступа к образовательным ресурсам гражданам, имеющим несовершеннолетних детей, которые получают дошкольное, начальное, основное и среднее общее образование, и уровень дохода ниже прожиточного минимума на члена семьи, предусмотреть субсидирование на оплату тарифа подключения к мобильному интернету или WI-FI с минимальным лимитом 30 ГБ/мес, скорость ≥ 100 Мбит/с (по аналогии с субсидиями на оплату услуг ЖКХ);
- в связи с тем, что несовершеннолетние от 14 до 18 лет обладают частичной дееспособностью и могут понимать цели обработки их персональных данных, полагаем необходимым определить возможность таким несовершеннолетним самостоятельно решать вопрос по поводу дачи согласия на обработку своих персональных данных (в том числе биометрических) в связи с получением образования;
- для обеспечения прозрачности исследовательского процесса следует закрепить обязанность обучающихся при выполнении выпускных квалификационных работ указывать в части, посвященной методам исследования, на применение искусственного интеллекта при проведении исследований с описанием конкретного сервиса (алгоритма), использованного в работе, и части работы (раздел, глава, параграф) по его применению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об утверждении целевой модели цифровой образовательной среды: Приказ Минпросвещения России от 02.12.2019 № 649 // СПС КонсультантПлюс.

2. О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам внедрения Целевой модели цифровой образовательной среды в субъектах Российской Федерации»): Письмо Минпросвещения России от 14.01.2020 № МР-5/02 // СПС КонсультантПлюс.

3. О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды: Постановление Правительства РФ от 07.12.2020 № 2040 // СПС Гарант.

4. ЦОС проводили в 15 регионах: Астраханской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Сахалинской, Тюменской, Челябинской областях, Пермском и Алтайском крае и на Ямале. URL: <https://www.pnp.ru/social/eksperiment-po-vnedreniyu-cifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-proydyot-v-15-regionakh.html>

5. Об утверждении Порядка отбора субъектов Российской Федерации, на территории которых проводится эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды: Приказ Минпросвещения России от 22.12.2020 № 761 (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2021 № 62474) // СПС КонсультантПлюс.

6. В России проведут эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды. URL: <https://ria.ru/20200626/1573540429.html>

7. Сикач и его Секач: Телеграм-канал. URL: https://t.me/sikach_sekach/502

8. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2021 года № АКПИ21-32 // СПС КонсультантПлюс.

9. Ершова И. В. Модернизация сферы образования: инновация & эксперимент // Право и бизнес. 2022. № 1. С. 25–29.

10. Цифровая образовательная среда. URL: <https://upro-ntagil.ru/national-project/cos/>

11. Красноярские родители возмущены обязательной регистрацией в новом приложении «Сферум». URL: <https://trk7.ru/news/162175.html>

12. О применении цифровой платформы «МАХ» и информационно-коммуникационной платформы «Сферум» образовательными учреждениями или в рамках трудовой деятельности: Письмо Минцифры России от 27.08.2025 № ММ-П10–82860 // Официальные документы в образовании. 2025. № 29.

13. Оценка результатов проведения эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/5fcd89a4af0b428e8189314120a9c5c3/download/6047/>

14. Минпросвет снова отказал родительской общественности во внятном ответе на вопрос о результатах эксперимента ЦОС. URL: <https://ouzs.ru/news/minprosvet-snova-otkazal-roditelskoj-obshchestvennosti-vo-vnyatnom-otvete-na-vopros-o-rezultatakh-ek/>

15. Ответ Общественному уполномоченному по защите семьи в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Баранец О. Н. от Департамента цифровой трансформации и приоритетных проектов Министерства просвещения Российской Федерации от 05.06.2025 № 04-ПГ-МП-19391. URL: <https://ouzs.ru/upload/iblock/cbf/hokn9bfud07z793niosepdp4dp78m87c.pdf>

16. Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и подготовки предложения о внесении изменений в общее регулирование: Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2011 // СПС КонсультантПлюс.

17. О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании и (или) о квалификации, документов об обучении посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» в 2024 году: Постановление Правительства РФ от 14.02.2024 № 173 // СПС КонсультантПлюс.

18. Коммерсант: «Дипломы наполнятся цифрами». URL: <https://obrnadzor.gov.ru/smi-rosobrnadzore/kommersant-diplomy-napolnyatsya-cziframi/>

19. Корнеев А. А. Публично-правовое регулирование цифровой трансформации образования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 162 с.

20. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования: Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р // СПС КонсультантПлюс.

21. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р: Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р // СПС КонсультантПлюс.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 39-П // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5253.

23. Northeastern college student demanded her tuition fees back after catching her professor using OpenAI's ChatGPT. URL: <https://fortune.com/2025/05/15/chatgpt-openai-northeastern-college-student-tuition-fees-back-catching-professor/>

24. Кузнецов И. С. Детерминанты доверия в высшем образовании // Высшее образование в России. № 12. С. 9–31.

25. Цифровое обновление российской школы: информационный бюллетень / А. Р. Горяйнова, И. В. Дворецкая и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 48 с. (Мониторинг экономики образования, № 18).

26. Ревина С. Ю., Лазанюк И. В. Цифровое неравенство в России: последствия для образования // Бизнес. Образование. Экономика: сб. ст. Междунар. науч. ч-практ. конф., Минск, 07–08 апреля 2022 г. Минск: Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. С. 208–214.

27. Электронный сертификат ДПФО действует только в 30 субъектах, участвующих в эксперименте по его внедрению. URL: <https://pfdo.ru/>

28. Год на дистанте: с какими трудностями столкнулись студенты и чему нас научил массовый переход в онлайн / С. К. Бекова (научная редакция), И. А. Груздев, Р. Г. Калинин, Л. Р. Камальдинова, Н. Г. Малошонок, Е. А. Терентьев. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 60 с.

29. Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 271 с.
30. Афанасьев С. Д., Терещенко И. А., Яцкевич Д. А. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. 2022. № 3. С. 33–46.
31. В 20 школах Татарстана запустили сервис прохода по биометрии. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24839519>
32. Что такое Единая биометрическая система. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/biometrics/102389>
33. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
34. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
35. О рассмотрении обращения: Письмо Минцифры России от 17.07.2020 № ОП-П24-070-19433 // СПС КонсультантПлюс.
36. О направлении информации по протоколу совещания: Письмо Роскомнадзора от 10.02.2020 № 08АП-6782 // СПС КонсультантПлюс.
37. О методических рекомендациях: Письмо Минкомсвязи России от 28.08.2020 № ЛБ-С-074-24059 // СПС КонсультантПлюс.
38. Лагутин М. Д. Система распознавания лиц: куда идут ваши персональные данные. Основания для работы системы распознавания лиц // Делопроизводство. 2025. № 3. С. 50–53.
39. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 22.02.2023 по делу № А27-10550/2022 // СПС КонсультантПлюс.
40. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2023 по делу № А27-10550/2022 // СПС КонсультантПлюс.
41. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.10.2023 по делу № А27-10550/2022 // СПС КонсультантПлюс.
42. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2020 № 16-2185/2020 // СПС КонсультантПлюс.
43. Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения: Приказ Роскомнадзора от 24.02.2021 № 18 // СПС КонсультантПлюс.
44. Роскомнадзор пояснил, относится ли фотография гражданина к биометрическим персональным данным. URL: <https://www.garant.ru/news/1564374/>